

Ицков А.Н. Разведчик, партизан, военный министр России

// Военно-исторический журнал. 1995. №1. С.72-75.

OCR, корректура: Бахурин Юрий (a.k.a. Sonnenmensch), e-mail: georgi21@inbox.ru

Императоры Александр I и Наполеон I были двумя главными героями-антиподами бурной военно-политической драмы, разыгравшейся в Европе в первом и втором десятилетиях минувшего века. Государственные и военные деятели России и Франции зорко следили друг за другом еще задолго до начала военной грозы, сознавая, что столкновение интересов неизбежно приведет к военному конфликту двух держав, а в вооруженном единоборстве больше шансов на победу у того, кто располагает своевременной, достоверной и наиболее полной информацией о замыслах и силах противника. В условиях нарастающей наполеоновской экспансии получение таких сведений приобретало для правительства России чрезвычайно важное значение. Не случайно именно в эти годы российская внешняя разведка обрела законченные организационные формы. Можно смело утверждать, что она добилась ощутимого перевеса над французскими спецслужбами, которым никак нельзя отказать в изощренности и коварстве.

Историки утверждают, что впервые мысль о полезности приобретения платных "друзей" информаторов посетила Александра I после его тайной встречи в Эрфурте с министром иностранных дел Франции Талейраном, который во все годы своего пребывания на политическом Олимпе вел очень сложную закулисную игру и в пик Наполеону поведал русскому царю о дальнейших планах французского императора, уже одержавшего ряд громких побед над австрийцами, пруссаками и русскими. Светлейший князь и герцог Беневентский, обладатель множества других звонких титулов и весьма состоятельный человек не гнушался "подрабатывать" тем, что продавал имевшуюся в его распоряжении информацию (а он имел доступ к святой святых наполеоновской монархии) властелинам и России, и Австрии, и некоторых других держав. Однако предоставляемые Талейраном сведения нуждались в перепроверке. Его репутация мастера политических интриг, двоедушного и вероломного, давала веский повод для этого. После бесед с Талейраном Александр I провел ряд мобилизационных мероприятий и распорядился направить в Париж молодого и способного агента, который сумел бы, насколько это возможно, перепроверить сведения, поступавшие от "Красавца Леандра" (одно из кодовых имен герцога Беневентского), и информировать российского самодержца об обстановке во Франции, ее подготовке к военным действиям.

...Сильный пожар в доме австрийского посла в Париже князя Шварценберга вспыхнул мгновенно. От одной из свечей, вставленных в хрустальное бра, внезапно загорелся шелковый занавес, затем огонь перекинулся на старинную, сухую, как порох, мебель и стал пожирать натертый до зеркального блеска паркет. А рядом, буквально в двух шагах от огненного кошмара, -72- за дверью гремела музыка и в вихре бесшабашного танца кружились пары... В тот страшный вечер 1810 года в разбушевавшемся пламени погибли десятки людей. Но жертв было бы гораздо больше, если бы не расторопность одного из гостей молодого российского гвардейца-полковника, который моментально организовал группу смельчаков-спасателей и возглавил ее. Звали героя Александр Иванович Чернышев. Выходец из

старинного дворянского рода, он был личным представителем Александра I при дворе императора Наполеона и одновременно русским военным агентом (по современной терминологии военным атташе).

До той трагической ночи в доме австрийского посла имя полковника Чернышева встречалось только в разделах светской хроники парижских газет. А теперь оно вдруг обрело широкую известность. Рослый красавец с вьющейся шевелюрой, прекрасный рассказчик и остролов, он неизменно становился душой любого общества, особенно того, где были прекрасные дамы. В великосветских парижских салонах о посланце российского царя сложилось представление, как о жуире и удачливом покорителе женских сердец. Ему симпатизировала сестра Наполеона королева Неаполитанская. А другая сестра императора Полина Боргезе согласно молве была даже в любовной связи с кудрявым российским повесой...

Репутация легкомысленного дон Жуана служила прекрасной ширмой для умного и ловкого царского посланца, которому удавалось получать важную информацию о политических и военных планах Наполеона накануне 1812 года.

Полковник А. И. Чернышев был одним из первых семи русских "военных агентов", которых тогдашний военный министр Михаил Богданович Барклай де Толли послал в столицы ряда европейских государств в качестве сотрудников "Особенной канцелярии" специального органа русской внешней разведки {1}. Кроме А. И. Чернышева были направлены поручик Г. Ф. Орлов, полковники Ф. В. Тейль фон Сераскеркен, голландец по происхождению, и Р. Ё. Ренни, потомок шотландского переселенца (Вена, Берлин), поручик П. И. Брозин (Мадрид), поручик П. Х. Граббе (Мюнхен), майор В. А. Прендель (Дрезден). О Пренделе известно, что в молодости во время событий Великой французской революции он был приговорен к казни на гильотине, сумел бежать из тюрьмы, поступил на русскую службу. Он, будучи в армии Суворова, участвовал в Итальянском и Швейцарском походах. Позднее, в Отечественную войну 1812 года, командовал партизанским отрядом.

"Особенная канцелярия" действовала в трех направлениях: стратегическая разведка (добывание за границей стратегически важных секретных сведений), оперативно-тактическая разведка (сбор данных о войсках противника на границах России) и контрразведка (выявление и нейтрализация наполеоновской агентуры).

Идея создания такого строго секретного государственного разведывательного и контрразведывательного органа принадлежала Барклаю де Толли. Министр считал необходимым узнавать о намерениях и силах возможных противников как можно раньше. Поэтому летом 1810 года он доложил Александру I о том, что целесообразно организовать деятельность российской разведки за границей и попросил разрешения направить в русские посольства специальных военных агентов, с тем, чтобы собирать сведения о числе войск, их устройстве, вооружении и моральном духе, состоянии крепостей и запасов, способностях и достоинствах видных военачальников, а также "о благосостоянии, характере и духе народа, о местоположениях и произведениях земли, о внутренних источниках держав или средствах к продолжению войны и о разных выводах, предоставляемых к оборонительным и наступательным действиям". Эти военные агенты должны были состоять при дипломатических миссиях под видом гражданских чиновников и служащих министерства иностранных дел {2}.

Аппарат сотрудников "Особенной канцелярии" был небольшим: помимо

упоминавшейся "семерки" закордонных агентов в ней служил директор, подчинявшийся лично министру, три экспедитора и один переводчик. До 19 марта 1812 года пост директора занимал близкий Барклаю де Толли человек флигель адъютант А.В. Воейков, начинавший много лет назад военную службу ординарцем у А.В. Суворова. Именно полковник Воейков рекомендовал А.И. Чернышева на работу в Париж. Он не ошибся в выборе.

Светский лев Чернышев как нельзя лучше подходил для роли руководителя разведывательной сети в Париже. Он быстро вошел в доверие к императору Франции, был в добрых отношениях со многими приближенными -73- Наполеона. За короткий срок русскому полковнику удалось создать широкую сеть своих информаторов в правительственной и военной сферах Парижа, подкупленных им за большие, в том числе и личные, деньги. Об одном из них -сотруднике военного министерства Франции Мишеле - стало публично известно после того, как острый нож наполеоновской гильотины лишил жизни этого ценнейшего тайного осведомителя Чернышева.

Входя в группу, которая составляла лично для Наполеона раз в две недели в единственном экземпляре сводку численности и дислокации французских вооруженных сил, Мишель тайно аккуратно переписывал документ от руки и передавал эту копию русскому разведчику. Нередко подготовленный им материал попадал к Чернышеву раньше, чем к императору Франции. Александр Иванович спешно отправлял курьера с секретным донесением в Петербург. "Зачем не имею я побольше министров, подобных этому молодому человеку", написал на полях одного из сообщений из Парижа Александр I. Полковнику А.И. Чернышеву шел в то время всего лишь 26-й год.

К копии секретной сводки А. И. Чернышев нередко добавлял свои собственные наблюдения и заключения.

Вот, например, отрывки из сохранившихся "портретов" наполеоновского генералитета, написанных рукой А.И. Чернышева.

Удино, герцог Реджио. "Отмечен во всей французской армии как обладающий наиболее блестящей храбростью и личным мужеством, наиболее способным произвести порыв и породить энтузиазм в тех войсках, которые будут под его началом. Из всех маршалов Франции он один может быть употреблен с наибольшим успехом в тех случаях, когда нужно выполнить поручение, требующее точности и неустрашимости. Не будучи очень образованным человеком, Удино не страдает недостатком знаний; его отличительные черты - это здравый смысл, большая откровенность, честность; друзья и недруги - все единогласно отдают ему в этом должное..."

Лефевр, герцог Данцигский. Маршал Испании и сенатор. "Не получил никакого воспитания; будучи глубоко невежественным человеком, имеет за собою только большой опыт, много мужества и неустрашимости. Неспособный действовать самостоятельно, он может, однако, успешно выполнять те операции, которые ему будут указаны. Маршалу Лефевру от 55 до 60 лет, он еще очень свеж и очень крепкого здоровья".

Даву, герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский. Маршал Франции, главнокомандующий войсками на севере Германии. Человек грубый и жестокий, ненавидимый всеми, кто окружает императора Наполеона; усердный сторонник поляков, он большой враг России... В настоящее время это тот маршал, который имеет наибольшее влияние на императора. Ему Наполеон более, чем всем другим, доверяет, и которым он

пользуется наиболее охотно, будучи уверен, что, каковы бы ни были его приказы, они будут всегда исполнены точно и буквально.

Не обнаруживая под огнем особо блестящей храбрости, он очень настойчив и упорен и, сверх того, умеет всех заставить повиноваться себе. Этот маршал имеет несчастье быть чрезвычайно близоруким".

Груши. Граф империи, генерал-полковник конных егерей. Маловлиятелен и находится еще далеко от тех милостей, которые Наполеон уже оказал другим его товарищам. В отношении нравственном этот генерал пользуется всеобщим уважением результат незапятнанной репутации и безукоризненного поведения; офицер крупных достоинств, он имеет за собой глубокие познания в военном деле, и в особенности в том, что касается кавалерии..."{3}.

Благодаря таким сообщениям Барклай де Толли мог докладывать Александру I не только общую политическую обстановку во Франции, но и важные сведения о состоянии ее вооруженных сил, давать характеристику крупным военачальникам.

...Служебная командировка полковника А.И. Чернышева в Париже закончилась для него вполне благополучно. Французская полиция с некоторого времени установила за ним постоянное наблюдение, не упуская из вида ни одной его встречи или поездки. Полицейские поняли, что "беспечный повеса и ловелас" их долго водил за нос. Однако для доклада Наполеону нужны были веские доказательства недозволенной деятельности Чернышева. И такие улики, увы, нашлись. Французским полицейским по случайно затерявшейся записке, найденной при негласном обыске в доме Чернышева во время его отъезда в Петербург, удалось установить ее автора - казненного на гильотине сотрудника военного министерства Мишеля. В парижских газетах появились материалы, в которых утверждалось, что полковник Чернышев занимается шпионажем...

Александр Иванович увидел Париж вновь уже после победы над Наполеоном, -74- находясь в качестве флигель-адъютанта в свите царя-победителя. А тогда в связи с "делом полковника Чернышева" император Франции выразил возмущение и гнев. Хотя в свою очередь всячески поощрял шпионскую деятельность французских спецслужб, справедливо полагая, что, отказываясь от такого образа действий, его правительство "будет иметь одним шансом меньше на успех во время войны или же купит этот успех ценою больших усилий и потерь". В 1810-1812 гг. на территории Российской империи было задержано и обезврежено 39 гражданских и военных лиц, работавших на иностранные спецслужбы. Любопытны в этом плане высказывания английского посланника тех лет в России сэра Роберта Морей. Он считал, что в XVIII-XIX вв. Россия была "главным центром шпионажа" и признавал, что его правительство отпускало ему до 100 тыс. фунтов на шпионаж и подкуп российских должностных лиц. Сэр Роберт Морей утверждал, что Франция тратила гораздо больше, и будто бы это грозило ей "чуть ли не финансовым банкротством"{4} .

Сохранились сведения и об одном французском "лжешпионе" ротмистре русской армии Д. Савоне, который по собственной инициативе изъявил готовность сотрудничать с русской разведкой и осуществил важную акцию по дезинформации неприятеля. Когда в мае 1812 года в Россию прибыл специальный посланник Наполеона граф Л. Нарбонн, чтобы разведать ситуацию накануне вступления французских войск на территорию Российской империи, Савон сумел установить с ним "деловой контакт" и негласно передал специально

подготовленные российским генштабом "данные". В них, в частности, очень убедительно говорилось о серьезных приготовлениях Баркляя де Толли к незамедлительному отпору Наполеону прямо в приграничной полосе после перехода армией последнего русской границы. Историки отмечали, что Наполеон был сильно обескуражен, когда вместо ожидаемого отпора и "генерального сражения" уже в начале похода в Россию не встретил никаких русских воинских подразделений, а тем более ожидавшегося контрудара. Возвращаясь к судьбе А.И. Чернышева, нужно отметить, что Александр I высоко оценил его заслуги, приблизил к себе, но Чернышев недолго находился в царской свите и вскоре после начала Отечественной войны возглавил партизанский кавалерийский отряд численностью 2500 казаков. Начав боевой путь под Москвой осенью 1812 года, он сопровождал французскую армию до самой границы России, нанося противнику ощутимые удары. Перейдя границу Российской империи, отряд Чернышева действовал автономно и на территории Польши и Германии в 1813 году. Примечательно, что в это время под командованием Чернышева наряду с русскими сражалось немало иностранцев, когда-то мобилизованных Наполеоном в Великую армию. Убедившись в скором крахе империи, созданной путем военных авантур, они переходили на сторону антинаполеоновской коалиции и пополняли, в частности, "летучий" отряд Чернышева.

Получив впоследствии звание генерала от кавалерии, титул светлейшего князя, Александр Иванович Чернышев стал при Николае I военным министром. Свыше двух десятилетий возглавлял военное ведомство России. Деятельность его на этом посту оценивалась неоднозначно.

На Чернышева, например, нередко возлагали впоследствии вину за военно-техническое отставание России, которое во многом и привело к поражению в Крымской войне 1853-1856 гг. Однако сохранилось немало документальных свидетельств того, что Александр Иванович уделял очень большое внимание вопросам перевооружения русской армии. Так, благодаря Чернышеву был в широких масштабах организован сбор информации о достижениях военно-технической мысли в европейских странах. По его инициативе в российские представительства за рубежом направлялись разведывательные задания, подписанные императором, в которых предписывалось любым способом раздобыть образцы того или иного оружия или боеприпасов, либо технические описания их. Так, в ноябре 1831 года российское посольство в Лондоне получило директиву императора "собрать самые верные и точные сведения" о только что изобретенном в Англии новом ружье с нарезным стволом, которое, по имеющимся у Чернышева сведениям, заметно превосходило по своим боевым характеристикам имевшееся в армиях России и других стран стрелковое оружие, и, если представится возможность, заполучить экземпляр. Указание императора было выполнено. В 1832 году российский посол в Париже, действуя опять-таки "по наводке" Чернышева, за 600 франков приобрел описание новых лафетов для французской полевой артиллерии, а в 1835-м за 6500 франков чертежи и описание нового рода зажигательных ракет, ударное ружье и чертежи крепостной, осадной, береговой и горной артиллерии последние достижения французов в этой области{5}.

Сохранилось немало и других документов, подтверждающих, что на протяжении многих лет своей деятельности на посту военного министра А.И. Чернышев стремился использовать все возможные каналы для получения информации о зарубежных армиях, происходящих там реорганизациях и нововведениях. Вопрос о том, почему заимствованные в

Европе передовые достижения, в том числе и в военной области, в николаевскую эпоху оказывались в России не востребованными, думается, выходит за рамки этого очерка и заслуживает отдельного разговора.

Примечания:

{1} РГВИА, ф.ВУА, д.417, лл.189об. 202.

{2} Там же.

{3} Там же, ф.46, оп.16, д.3599, лл.1-5.

{4} A History of the Russian Secret Service, Richard Deacon. London, 1987. P.20.

{5} Архив внешней политики Российской империи, ф.155, оп.301, д.135. -75-